
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: НЕСКОЛЬКО АРГУМЕНТОВ В ПОЛЬЗУ ГИПОТЕЗЫ ОБ АВТОРСТВЕ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Г.Н. Проневич

Кафедра белорусского литературоведения
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
ул. Мицкевича, 28, Брест, Республика Беларусь, 224665

В статье предпринята попытка обоснования и дальнейшей разработки выдвинутой ученым-кибернетиком Б. Зотовым гипотезы о принадлежности «Слова о полку Игоре» перу Кирилла Туровского.

Ключевые слова: Слово о полку Игоре, рукопись, древнерусская литература, Кирилл Туровский, авторство.

Проблема авторства «Слова о полку Игоре» — одна из самых сложных в современном «слововедении». Почти двухсотлетние попытки раскрыть тайну авторства пока не дали положительных результатов, хотя и породили немало оригинальных версий и догадок на сей счет. Стало очевидным, что загадочная и неординарная фигура неизвестного автора не поддается методу случайного подбора той или иной кандидатуры. В последнее время ученые склоняются к моделирующему подходу, основанному на представлениях об авторе, которые проистекают из содержания и художественных особенностей самого памятника. Образец такого моделирования продемонстрировал Д.С. Лихачёв, высказавший мнение, что автор «Слова о полку Игоре» мог быть приближенным Игоря Святославича или Святослава Киевского, дружинником, киевлянином или черниговцем, «несомненно, был книжно образованным человеком и по социальному положению вряд ли принадлежал к эксплуатируемому классу населения. Однако в своих в своих политических воззрениях он не был ни „придворным“ ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства... потому что занимал свою, независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию» [1. С. 8, 141—142; 5. С. 37—38].

С этой точки зрения несомненный интерес представляет версия московского ученого-кибернетика и любителя древнерусской словесности Бориса Зотова, который, опираясь на возможности нового моделирующего подхода, связанного с качественными характеристиками личности, особенностями таланта, художественного стиля и метода неизвестного автора, высказал предположение о принадлежности «Слова о полку Игоре» перу выдающегося писателя и оратора древней Руси Кирилла Туровского [3. С. 67—72].

Поскольку речь идет о конкретной и хорошо известной исторической личности, сопоставимой по масштабу и оригинальности таланта с автором «Слова», чрезвычайно актуальной для медиевистов становится задача проверки и научной разработки предложенной Б. Зотовым гипотезы.

Тезис первый. Путь к разработке высказанной Б. Зотовым гипотезы открывает прежде всего обоснование новой даты смерти К. Туровского, которая существенно выходит за хронологические рамки похода Игоря на половцев (1185 г.) и локализуется примерно в границах 1188—1190 гг.

Следует заметить, что принятая в науке дата смерти К. Туровского (1182—1183 гг.) определялась исключительно на основании упоминания под 1182 г. в Киевской летописи имени нового туровского епископа Лаврентия, который присутствовал при постановлении митрополитом Никифором игуменом в Киево-Печерский монастырь попа Василия: «...и прїѣха Митрополит Никифоръ на постриженіе его, и Туровскій Епископъ Лаврентій и Никола Полотскій Епископъ и вси Игумени, и постриже Никифоръ своєю рукою» [4. С. 65—66]. На этом основании делался вывод о смерти Кирилла в 1182 г. Вместе с тем П.Н. Полевой в своей «Истории русской словесности» называет датой смерти К. Туровского 1188 г. [8. С. 208]. А епископ Минский и Туровский Евгений, исходя из содержания «Послания к богоблаженному архимандриту Василию о схимѣ» К. Туровского, в котором говорится об окончании строительства последним церкви пресвятой Троицы и большой каменной ограды вокруг Киево-Печерского монастыря, приходит к выводу, что «кончина святителя Кирилла последовала, вероятно, в последнем десятилетии XII в., а днем кончины было 28 апреля, под каким днем значится память его в Прологе XVI в.» [12. С. LXXIV].

Такое мнение представляется достаточно убедительным, поскольку начатое игуменом в Печерском монастыре масштабное и трудоемкое строительство, наконец, самое решение о принятии великой схимы могли занять у Василия, который был избран игуменом через монашеское пострижение (до этого срока он был бельцом, т.е. принадлежал к белому духовенству), не менее пяти-восьми лет пастырского служения.

Так, известно, что Печерская церковь святой Богородицы, заложенная Феодосием, создавалась на протяжении пяти лет (1073—1078 гг.), а освящена была лишь в 1089 г. [7. С. 196—197, 210—211, 218—219]. Великая же схима принималась обычно в конце жизни, в преклонном возрасте, когда церковные иерархи обычно отходили от активной пастырской деятельности, сосредотачиваясь исключительно на духовном смысле жизни. Косвенно об этом можно судить по содержанию «Послания...» К. Туровского к Василию, в котором он придает принятию великой схимы высший духовный смысл, аллегорически соотнося процесс подготовки к ее принятию с этапами возведения церкви и ее заключительным актом — освящением и превращением церковного здания в обитель Святого Духа: «...Феодосий, начавъ строить церковь, позванъ былъ Богомъ и къ нему отошелъ — тебе же даровалъ Богъ не только церковь устроить, но и создать каменную ограду вокругъ Лавры, где жилища святыхъ и дворы преподобныхъ... Ты создалъ вокругъ всего Печерскаго монастыря высокія и прекрасныя, каменные стѣны на твердомъ основаніи. Для сего, во первыхъ, заготовил ты денежныя средства, потомъ, при помощи огня пригготовилъ плинфу, и, наконецъ, совершилъ дѣло при помощи воды и извести. Но это святое зданіе еще не готово, чтобы могло быть храмомъ Богу, чтобы вселился въ него Святыи Духъ. Если хочешь устроить такое зданіе, если

желаешь положить основание обители Святыя Троицы, то есть, обновиться святою схимою; то *разочти имѣніе* (Лук; 14, 28), то есть, напередъ, помолившись Богу сядь и напиши со вниманіемъ свой обѣтъ, который намѣреваешься соблюдать до смерти...» [12. С. 115—116].

Таким образом, приведенные здесь мнения, которые с высокой степенью вероятности отодвигают границу смерти туровлянина как минимум за 1187 г., когда, вероятнее всего, и было создано «Слово о полку Игореве», являются, на наш взгляд, достаточными, чтобы рассматривать фигуру Кирилла в качестве возможного автора древнего памятника.

Тезис второй, который указывает на Туров и представителей его феодальной и духовной элиты как на наследников «Бояновой земли», в числе которых могли быть предполагаемый отец или дед К. Туровского — посадник Жирослав Иванкович (Яванкович), а также сам туровский Златоуст.

Обоснование этого тезиса связано с историей покупки в Киеве великой княгиней Марией Мстиславовной (в то время уже вдова — *Г.П.*) «всей земли Бояновой». Достаточно подробная и объемная графическая запись об этой торговой сделке была сделана на стене Софийского собора, видимо, вскоре после смерти ее мужа, великого киевского князя Всеволода Ольговича (1146 г.), когда княгиня решила приобрести в Киеве земельный участок для строительства церкви, которая могла бы служить также родовой усыпальницей Ольговичей.

Вот содержание этих граффити, обнаруженных реставраторами в Киевской Софии: «Месяца января в 30, на святого Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, перед святою Софиею, перед попами, а тут были: попин Яким Домило, Пателей Стипко, Михалько Неженевич, Михаил, Данило, Марко, Семьон, Михаил Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубынов, Илья Копылович, Тудор Борзятнич; а перед этими свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за нее семьдесят гривен собольих, а в этом <заключается> часть семисот гривен» [2. С. 64].

Большая стоимость «Бояновой земли» и тот факт, что ее местонахождение не разъясняется, свидетельствует о привилегированном положении и достаточно высоком иерархическом статусе ее прошлого владельца, а также о том, что находилась она непосредственно в стольном Киеве, что хорошо было известно всем присутствующим. Поэтому можно согласиться с мнениями исследователей, что упомянутый в граффити Боян был не только реальной исторической личностью, но и, вероятно, тем самым «вещим Бояном», о котором упоминает автор «Слова о полку Игореве».

Принципиально важным для нас является то, что среди всех 12 свидетелей, в числе которых называются священнослужители Софийского собора, Янчина монастыря, духовника киевского князя Ростислава Мстиславича, митрополита Михаила и прочих, первым назван Яким Домила, с которым исследователи достаточно уверенно отождествляют епископа Туровского — Акима (Иоакима) [2. С. 65].

Присутствие туровского епископа среди других, в том числе высших по иерархическому положению священнослужителей (митрополит Михаил), могло означать лишь то, что туровский епископ Аким (Иоаким) представлял и свидетельствовал своим присутствием законность сделки со стороны одного из основных наслед-

ников-владельцев (их могло быть и несколько) Бояновой земли — туровлянина, имя которого в граффити не разглашается. В числе этих возможных наследников мог быть как сам Кирилл Туровский, так и его предполагаемый отец или дед — туровский посадник Жирослав Иванкович (Яванкович). Последний в это время как раз был схвачен и удерживался в заточении в Киеве по приказу нового великого киевского князя Изяслава Мстиславича как один из подстрекателей и активных соучастников туровского князя Вячеслава в захватах отдаленных киевских земель.

Таким образом, упоминаемая сделка вполне могла быть завуалированной формой выкупа и освобождения туровского посадника из заточения. В подобном исходе дела были заинтересованы все стороны: прежде всего сам заключенный; княгиня Мария Мстиславовна, которая, опираясь на поддержку брата Изяслава Мстиславовича, решала хлопотную для себя проблему; наконец, епископ Туровский Иоаким, который также принимал участие в аванюре Вячеслава и теперь старался загладить свою вину перед великим князем.

Обращение автора «Слова» к традициям и творческому наследию своего выдающегося предшественника — Бояна в контексте таких сквозных родовых связей К. Туровского и исторического Бояна, которые обнаруживаются в результате анализа граффити о покупке-продаже Бояновой земли, является важным аргументом в пользу версии об авторстве К. Туровского.

Тезис третий. Автор «Слова» — личность, вышедшая из дружинно-боярской среды, близкая к князьям, но принадлежащая по роду деятельности к духовному сословию, о чем свидетельствует глубокое знание христианского учения и культовой храмовой архитектуры, осведомленность в делах и устройстве церковной жизни.

На сходство слов-проповедей К. Туровского и Игоревой песни, близость стиля и приемов образотворчества в свое время обращали пристальное внимание И.П. Ерёмин, Д.С. Лихачёв и др. Анализируя «Послание к богоблаженному архимандриту Василию о схимѢ», мы могли наблюдать, как со знанием дела, пластично и виртуозно пользовался туровлянин приемом художественного перевоплощения, аллегорически осмысляя идею принятия архимандритом Василием великой схимы через образ строительства церкви и каменной ограды вокруг Киево-Печерского монастыря.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что компануя части «Слова о полку Игореве» в единое целое, неизвестный автор также компетентно, со знанием дела использовал в своем писательском деле приемы и принципы церковно-храмовой архитектуры, беря за основание композиции модель многокупольного храма и используя при этом известные тогдашним зодчим пропорции между композиционными частями текста, близкие к «золотому сечению» (сам термин введен Леонардо да Винчи значительно позже, в XV столетии — Г.П.), известного как знаменитая пропорция пяти к трем ($\frac{5}{3}$), восьми к пяти ($\frac{8}{5}$), тринадцати к восьми ($\frac{13}{8}$) и т.д. [6. С. 467], причем, как отмечают исследователи, «интерес к пропорциям золотого сечения усилился у русских зодчих с другой половины XII столетия, проявившись особенно ярко в церкви Покрова на Нерли» [6. С. 110], т.е. как раз

в эпоху создания «Слова о полку Игореве». Следование принципам церковно-храмового строительства особенно заметно проявилось в композиционной структуре произведения, которое напоминает план многокупольного собора с его основными традиционными частями: входом, притвором, равноудаленными боковыми сферовидными нишами и закомарами, выполняющими функцию контрофорсов и придающими зданию устойчивость, симметричность и равновесие.

Ансамблевый характер «Слова» как произведения, ориентированного на архитектурный образец Киевской Софии, проявился не только в сложной композиции с многочисленными отступлениями-воспоминаниями, разветвленным сюжетом и фабульными линиями, но и точно продублированной структурой купольной системы храма, в которой отобразилась идея политического единения Руской земли, централизованно-иерархический характер духовной и светской власти в Киевской Руси, основанной на принципах соподчинения и феодального вассалитета.

Так, 13 куполам Киевской Софии в «Слове о полку Игореве» точно соответствует «золотое слово» великого киевского князя Святослава, обращенное к 12 удельным князьям, что в сумме дает ту же самую цифру — 13. Назовем их поименно: 1) Игорь Святославович; 2) Всеволод; 3) Ярослав; 4) Великий княже Всеволоде; 5) Рюрик; 6) Давыд; 7) Галицкий Осмомысл Ярослав; 8) Роман; 9) Мстислав; 10) Ингварь; 11) Всеволод; 12) «все три Мстиславичи», названные по отцу как *одно* семейное гнездо. И, наконец, тринадцатая по счету — фигура самого великого князя Святослава, соотносимая с самым большим и высоким куполом Софии, символизирующим величие и прошлое иерархическое единство всей Руской земли, что получило свое яркое воплощение в последнем безличностно-обобщенном призыве великого князя к потомкам Ярослава Мудрого и Всеслава Чародея остановить межусобную вражду.

Такое пластичное слияние идейного и изобразительного планов наглядно демонстрирует органическое тождество в «Слове о полку Игореве» и произведениях К. Туровского образа и его внутреннего содержания, предмета и вложенной в него смысловой идеи, свидетельствует об единстве стилиобразующих элементов в творчестве авторов, которое основано на тождестве художественного мышления.

Не лишено также смысла предположение, что такое решение могло быть подсказано автору «Слова» (если считать им К. Туровского) впечатлениями от трагического 1146 г., связанного с княжескими межусобицами, вынужденной продажей (а фактически потерей) наследственной Бояновой земли, закрепленной договором, а затем и записью на стене Софийского собора в присутствии 12 свидетелей. Ведь параллели очевидны: в обоих случаях фигурирует Киевская София, соблюдена символика числа 12 (по равному количеству священнослужителей и удельных князей). И там, и там речь идет о наследии, завещанном предками. Существует и смысловая связь между Бояновой землей и Руской землей: ведь и та, и другая находятся теперь во владении великого князя Святослава — с той лишь существенной разницей, что «вся земля Боянова», наследным владельцем которой на тот момент был Святослав Всеволодович, целиком и полностью принадлежит великому князю, тогда как Руской землей торгуют, делят и разрывают ее на части в своих меж-

усобицах удельные князья — потомки Рюрика. В этом и заключался смысл обращенного к князьям «золотого слова» Святослава — защитить Рускую землю, поскольку его реальная власть, несмотря на титул великого князя, ограничивалась пределами Киева, т.е. аллегорически как бы соотносилась лишь с территорией некогда приобретенной матерью (Марией Мстиславовной) «Бояновой земли».

Тезис четвертый. Автор «Слова» — убежденный христианин, который, однако, подобно К. Туровскому, использует в своем творчестве мотивы, приемы, образы фольклорно-мифологического происхождения, связанные с традициями языческого мироощущения, что позволяет говорить о схожести и даже тождестве их художественного метода.

Следует заметить, что в основе отмеченных учеными образно-стилистических созвучий, лексических совпадений между «Словом» и произведениями К. Туровского лежит общая во многих позициях система опорно-смысловых образов и художественно-мировоззренческих принципов, в соответствии с которыми разворачивается сюжет и раскрывается идейное содержание памятников.

В этом плане обращает на себя внимание не только наличие общих для произведений К. Туровского и автора «Слова» идей политического единства Руской земли и осуждения княжеских межусобиц, мотивов христианского покаяния и борьбы с язычеством, борьбы света и тьмы, образов солнца и солнечного затмения, но и близкий подход к их идейно-художественной интерпретации.

Например, как церковный иерарх и убежденный христианин Туровский решительно выступал против языческих культов и поклонения идолам. Подобная установка непосредственно вытекала из Правила 95 Карфагенского Собора, согласно которому епископ должен был сражаться с остатками язычества: «просити от славнейших царей, да истребляються всяким образом остатки идолопоклонства, не только в изваяниях, но и в каких либо местах, или роща, или древа» [6. С. 60]. В то же время как человек, который жил в эпоху двоеверия, Туровский не мог оставаться равнодушным к традициям народно-поэтического мироощущения, к языческой стихии жизни как сферы поэтического, основательно «прописаной» в архетипах подсознания и художественной интуиции писателя.

В результате в одном и том же произведении, как это видно из «Слова Кирилла мниха недостойнаго о поновлении вскресения...», можно встретить гневные тирады против поклонения языческим идолам и культам («...уже бо не нарекутся богом стихиа: ни солнце, ни огонь, ни источници, ни дресеса. Отселе бо не приемлет ад закалаемых отци младенец, ни смерть почьсти, преста бо идолослужение и погубися бесовьское насилие крестным таинством...») [6. С. 333]. А совсем рядом — полные чувственной языческой экзальтации и восхищения картины весеннего пробуждения природы: «Днесь весна красуется, оживляюши земное естество, и бурнии ветри тихо повевающе плод гобзуют, и земля семена питеющи <питающи> зеленую траву ражает» [6. С. 335].

Эти наблюдения свидетельствуют о компромиссном, диалектически гибком характере литературной эстетики К. Туровского, ее открытости и восприимчивости к разным эстетическим влияниям, способности автора к художественному пере-

воплощению. В этом смысле между Туровским и автором «Слова» не существует практически никакого различия.

Например, если обратиться к языческому молению Ярославны, можно увидеть, что ее обращение к стихиям воды, ветра и солнца непосредственно согласовано в сюжете «Слова» с моментом морального (причем именно христианского) покаяния Игоря, о чем мы знаем из летописной повести о походе Игоря. Неслучайно, что лишь после заключительного обращения Ярославны к «светлому-трисветлому» солнцу, наперекор которому князь выступил в поход против половцев, «Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ огню злату столу» [10. С. 392].

Использование здесь эпитета «светлое-трисветлое» при сохраненной традиционной языческой мифологической структуре образа есть точное отображение симбиоза старого языческого и переосмысленного в духе новой христианской традиции культа солнца, близкие соответствия которому можно найти опять-таки у К. Туровского: «молитвами Вашими озарите мя, яко светила трисолнечна богосияния» [6. С. 258], «взыде нам от гроба праведное солнце Христос и вся верующая Ему спасает» [6. С. 334] и др. Судя по всему, солнце и соотносимые с ним Христос и Святая Троица, как и старые языческие боги Хорс и Дажьбог, представляли для тогдашних русичей абсолютную ценность.

Таким образом, в отличие от обращения к ветру и Днепру-Словутичу, в лице «светлого-трисветлого» солнца Ярославна просит о заступничестве и помощи одновременно христианского и языческого богов. Однако отзывается на ее мольбы о возвращении Игоря из половецкого плена только христианский Бог, перед которым исполнен акт морально-духовного покаяния.

Смысл моления Ярославны — заговорить ставшую внезапно враждебной побеждающую языческую стихию, попробовать договориться с ней на ее языке, при помощи магии старых языческих заклинаний упредить страшный ход событий, склонить их на свою сторону. Однако лишь тогда, когда в облике языческих стихий ей удастся рассмотреть лик солнца-Христа, приходит спасение и начинается путь духовного возрождения Игоря, его прозрения и освобождения из языческой тьмы, который завершается символическим образом воссиявшего над Русской землей солнца и дорогой героя к храму Богородицы Пирогощей: «Солнце свѣтитъ на небесѣ, — Игорь князь в Руской земли; дѣвицы поють на Дунаи, — вьются голоси чрезь море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй богородици Пирогощей» [10. С. 394].

При этом значение «светлого-трисветлого солнца» как символа Христа повторно подтверждено автором в цитированном выше фрагменте «Слова» подтекстовой соотносительностью первых двух строк с образным клише традиционной христианской молитвы в ее церковнославянском варианте: «Отче наш, иже еси на небеси, да светится имя Твое; да приидет Царствие Твое...» (Мф: 6, 9—13).

Таким образом, поэтически прекрасная, мощная и одновременно необузданная и ужасающая языческая стихия в «Слове» — это, несомненно, и сознательный авторский выбор поэта, и дань великого «песнотворца» стихии народного миро-

понимания, красоте и силе которого автор не мог не подчиниться как настоящий поэт. В то же время идейный и моральный выбор автора-христианина совсем иной. Ибо для него язычество как система религиозного мировоззрения, обрядов и культов, которая составляет еще важную часть русского быта и миропонимания, согласно традиций которой еще живут и действуют слегка христианизированные русские князья, — стихия враждебная, варварская, которая разъединяет, растрчивает и поглощает силы русичей, как и сама Великая Степь.

По мысли неизвестного автора, именно поглощающая тьма язычества, в которую все глубже и глубже погружается христианская Русь, — главная причина поражения русичей и побед половцев-язычников. Неслучайно в Игореком походе все языческие боги участвуют на стороне врага. Пытаться договориться с этой стихией и упрашивать ее — дело напрасное и безнадежное, ибо спасение только в добродетелях и просветляющей и объединяющей силе христианства, что подтвердили и языческое моление Ярославны, и путь Игоря к храму Богородицы Пирогощей, освященные нравственной силой и правдой Солнца-Христа.

Несомненно, что подобные духовные, моральные и эстетические ценности, как и соответствующий строй поэтического мышления и образного восприятия мира, которые мы находим в средневековой поэме, были не только чрезвычайно близки К. Туровскому, но и составляли как бы часть его собственной личности — писателя, проповедника, патриота Руси.

Все это свидетельствует о том, что гипотеза об авторстве Кирилла Туровского имеет научную перспективу и требует дальнейшей разработки и изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Булахов М.Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Крат. энцикл. слов. — Минск: Университетское, 1989.
- [2] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. I. — Киев: Наукова думка, 1966.
- [3] *Зотаў Б.І.* Хто ён — аўтар «Слова пра паход Ігаравы»? // Беларуская мова і літаратура ў школе. — 1990. — № 6. — С. 66—72.
- [4] *Карамзин Н.М.* История государства Российского: Репринтное воспроизведение изд. пятого. В 3 кн. Кн. 1. Т. I—IV. — М.: Книга, 1988.
- [5] *Лихачёв Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л.: Худож. лит., 1978.
- [6] *Мельнікаў А.А.* Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд. — Минск: Беларуская навука, 1997.
- [7] Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 22—277.
- [8] *Полевой П.Н.* История русской словесности. — СПб., 1900.
- [9] *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки — М.: Изд-во Московского университета, 1984.
- [10] Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Повести Древней Руси. X—XII века. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 378—394.
- [11] Советский энциклопедический словарь. — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1984.
- [12] Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского с предварительным очерком истории Тулова и Туровской иерархии до XIII века. — Киев, 1880.

**«A WORD IS ABOUT IGOR'S REGIMENT» —
SOME ARGUMENTS IN FAVOUR OF THE HYPOTHESIS
OF KIRIL TUROVSKY'S COPYRIGHT**

H.N. Pranevich

A department of Belarusian literary criticism
Brest State University by Pushkin's name
Mitskevicha str., 28, Brest, Republic of Belarus, 224665

In the article the attempt of substantiation and further development of hypothesis of Kiril Turovsky's copyright on "A word is about Igor's regiment", which was suggested by B. Zotov, was undertaken.

Key words: Lay, manuscript, Old Russian literature, Kirill Turovsky, authorship.